

ХЬЮГО БОРХ

СОН
СИНЕЙ
СОВЫ

Расследования Андрея Дубровского

Хьюго Борх
Сон синей совы

«Автор»

2026

Борх Х.

Сон синей совы / Х. Борх — «Автор», 2026 — (Расследования
Андрея Дубровского)

«Сон синей совы» – это холодная пещера, где человека ждет встреча с нечистью. Андрей Дубровский, единственный выживший после экспедиции в смоленскую чащу, становится «посвященным» – человеком, которого смерть обходит стороной, но не отпускает тех, кто рядом с ним. Вместе с новой знакомой Катей он ныряет в пучину древних проклятий, заброшенных деревень с мертвыми окнами, волчьих стай, управляемых одноруким старцем, и ведьмовских могил, где покойников хоронят лицом вниз. Шесть магических кругов – шесть испытаний, где иллюзии становятся реальностью, боль – платой за правду, а истинный выбор требует жертвы. Чем ближе герои к разгадке, тем отчетливее слышен шепот синей совы: она видит вас, она не отпустит вас, она – ваша судьба. Удастся ли герою пойти против до конца и пройти шесть кругов нечисти? Содержит нецензурную лексику.

© Борх Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Черная грязь. Пропавшие в лесу	6
Хутор	6
Гость из ночной тени	10
Леший	12
Очнулся у костра	13
Покой мертвых не рубят топором	15
Деревня «Черная Грязь»	16
Смятенный дух Касьяна блуждает по лесу	18
Обряды для мертвых	20
После, после, после...	22
Глава 2. Тверской лес. Поиски оборотня	24
Предложение, которого я не ждал	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хьюго Борх

Сон синей совы

Если вы услышите ночью в лесу колыбельную «Баю-баю, не ложись на краю» – значит, пришел час нечисти. Когда приходит нечисть, – вокруг возникает гнетущая атмосфера безысходности. Нечисть забирает твою волю и силу бороться, нечисть забирает душу, – такова страшная правда.

Но есть человек, которого Нечисть не тронет, и никто не знает, почему – Андрей Дубровский. Он потерял близких, любимую девушку, друзей, работу, – он должен был погибнуть, но нечисть по какой-то причине ему сохранила жизнь. Это может означать только одно – он становится «посвящённым» и он хочет большего, хочет защитить тех, кто велеием судьбы оказался теперь рядом с ним. Вместе с отчаянной девушкой Катей он берётся за расследование череды смертей. Доберется ли он до логова нечисти. Раскроет ли тайну шести магических кругов, – жизнь будет подбрасывать ему все новые и новые загадки.

Глава 1. Черная грязь. Пропавшие в лесу

Посвящается тем, кто навсегда остался в лесу

«Огонь не греет он только жрёт воздух и дает знак Нечисти. Лес со страхом дышит тебе в спину. И ты понимаешь: это не твоя ночь. Это ночь Хозяина». (Комментарий неизвестного автора в соцсетях)

Хутор

На Смоленщине места есть! Ох, хмурые, лесистые. Особенно в Угранском, Демидовском, Духовщинском и Холм-Жирковском районах. Не сказал бы, что народ горит желанием туда попасть.

Край живописный. Какие здесь восходы и закаты, поля и леса – ух! Правда, много «забросек» с пустыми одичалыми окнами, что торчат как ладони нищего за подаянием. Печальная картина. Тянет зайти, но нельзя ведь в чужой кров, нельзя даже прикасаться к чужому.

Неоднократно я посещал те места. Всяко-разно посещал. Люблю состояние, когда скрываешься от цивилизации, да еще из времени выпадаешь, – смотришь, а ты там, где старина, где все былое, где дореволюционный уклад жизни. В том краю можно зайти в осинник или березовую рощу, а уже через десять минут оказаться в еловом бору или дубово-липовой чаще. Лес меняется, шалит. Говорят, лешаки озорные. Заблудиться – как два пальца...

Нас было четверо друзей: Сева – душа компании, гитарист, Женька – задумчивый романтик, поэт, Дрон – участник всех клубов волонтеров, диггеров, сталкеров, и я. Меня зовут Андрей Дубровский. Мать постаралась в честь... сами понимаете. Долго собирались, все откладывали, а позади уже почти десять верст лесного бездорожья, – мы засекали километраж.

Тропа эта, скажу прямо, сразу мне показалась с загадками. Да-да. Уж поверьте на слово. Не в плане препятствий, препятствия – ерунда, а вот... а вот то, что случилось здесь, никто объяснить толком не может. Вроде бы и тропа как тропа – примята, исхожена, муравьями присыпана, по сторонам высокая трава да цепкие кусты. Но идешь – и затылок стынет. Будто кто из чащи зыркает на тебя недобрый глазом. Не то зверь, не то вовсе нелюдь.

В деревне, где мы вышли из автобуса, нас хорошо один местный просветил, скажем так, «по-сурьезному», хоть и за бутылку водки:

«Про то место после заката шепотом бают. Ребятишек мамки пужали: Не шляйся допоздна, а то тропа та самая, где старуха Анистья пропала. Пошла корову искать, да и не воротилась. А она лес сызмальства знала с закрытыми глазами. Только ведро ее ржавое потом нашли с царапинами, как от когтей медведя. А еще две девки, справные такие, – велосипеды у их новехонькие были, «Камы» – заехали, значит, покататься. Домой ждали-ждали – нету. И велосипедов нету. Семь лет тихо всё. Будто слизнул кто. И вот идешь – деревья стоят, старые, мохнатые. Они, бают, помнят каждую каплю пота, каждый взмах топора. А ветер как дунет – несет голоса. Шепчет, зовет. Тех самых, кто до заката не вернулся. И вроде никого нет, а оглянешься – кусты шевельнулись. И шаг невольно ускоряешь. И уже сам себе боишься признаться: а не почудилось ли? Нет, не почудилось. Лучше вам туда не соваться». Честно говоря, из-за этого мы и отправились в «путешествие», как выяснилось, – роковое. По тропе прошли уверенно, – вроде без происшествий, если не считать, что и Сева, и Дрон, и Женька умудрились поранить руки до крови. Один споткнулся, упал на сухие ветки, другой подобрал ведро ржавое, третий – начал строгать палку и ножом по руке чиркнул. Не обратили на это внимания. «До свадьбы заживет», – как мы привыкли повторять. Хотя у Севы

семья и сынок маленький. Значит, у него должно зажить до второго ребенка, которого они ждут.

В тот день небо уже собиралось темнеть, когда мы задумались о ночлеге. Но заканчивалась вода – решили все-таки дойти до ручья. Погода была сухая, дождь не намечался. А в июле ночи фактически светлые. Ночью в лесу видно, – нет-нет, а что-то проглянется, ведь лето – это не крошечная осенняя темень. Женька, а следом Дрон, сквозь деревья увидели свет в лесной избушке: слабый, мерцающий. Значит, там люди – можно переночевать. Уставшие блуждать по незнакомому лесу и обходить буреломы, мы направились на огонек. И вышли на хутор из четырех крепких домов. Небольшой, стало быть. Телефоны оказались вне зоны доступа, а окна, чтоб постучаться на ночлег, в домах уже погасили. Но мы четко различили запах конюшни, навоза и парного молока. Смотрим – трава покосена. Заборов нет, машин перед избами нет. Какие-то грибы под ногами захрустели. Много грибов. Кругами росли, будто кто посеял. Вышли на широкую, правда заросшую, дорогу. Думаем: выбрались из леса – уже хорошо. По этой дороге, значит, и пойдем потом. Ночевать-то у хуторян на сеновале боязно, еще вилами проколют, когда утром скотину будут кормить. Время – час до полуночи. Нашли лавку – простецкую такую, из трех бревен, сделали привал, и смотрели в окошко избы, что за лавкой, – вдруг кто выглянет? В окно направили свет двух фонарей. Разглядели: белые занавески с кружевами будто шевелятся, поспорили даже, но стучать в ту избу не решились. Зато подкрались, и заглянули. На столе кружевная скатерть, на ней горшочек, что в печь ставят, несколько алюминиевых мисок. А у шкафа в глубине стоит мужик, в пиджаке. Ничего не делает, – стоит, как дятел. – Мертвяк, точно, – Сева соображал раньше всех. – Шутки у тебя не к месту, – процедил сквозь зубы Женька. – Не ссы, не укусит, – Сева потянул Женьку на рукав. – Да отъебись ты! – тот отдернул руку. – Смотри! – Сева не унимался. – Одет, как покойник, в черный костюм с черным галстуком. Раньше в таких пиджаках хоронили. Где-то и гроб рядом.

Дрон на всякий случай оглянулся.

– Крышку гроба на крыльце ставили, а тут что-то не видно, – вставился я. – Но зачем мужик в лесу, ночью, в своей избе, в пиджаке стоит... этого я понять не могу. – Жуть, короче, – суммировал Дрон наши наблюдения и завертел головой еще больше. Вернулись к лавке. Женька, самый высокий из нас, остался стоять на улице – картина неизвестного художника «Петр Первый изучает поле для завтрашней баталии». Мы присели с надеждой встретить кого-нибудь из жителей. Если появится человек, то обратимся к нему, а если нет – лучше уходить. Четыре дома всеж таки. А вдруг секта какая? Вот об этом мы не подумали. Да, кстати, еще заметили – ни одной собаки. В окнах так никто не появился, но свет в одной избе точно был, иначе как бы мы из леса вышли, как бы узнали, что здесь хутор? Значит, электрический свет или лампадку потушили.

Стучаться мы все равно побоялись. Тихонько ушли дальше в лес по той самой дороге. Вокруг тишина – птицы не кричат, собаки не лают. И эта тишина нас стала тревожить все больше. Потому что она не была похожа на обычную тишину. Она давила на уши, утяжеляла на глазах веки, забивалась в ноздри, как вата. Даже сверчки молчали. Лес затаил дыхание, будто готовился к прыжку через пропасть. От этого гнетущего беззвучия хотелось говорить шепотом.

– А что, совы здесь не водятся, – спросил кто-то. – Тише, – первое, что ответили ему.

– Водятся, но тоже спать улеглись, – это второе, что ответили ему. Роса выпала – штаны по колено мокрые, – но мы шли и шли. А ведь в любом месте могли сделать привал.

Наконец, встали на опушке. По-быстрому разбили палатки, нырнули в спальные мешки, и от усталости быстро вырубались.

Утром наши палатки окутал туман и отовсюду нам казались рожи лесной нечисти. Еще мы почуяли резкие запахи лесной сырости, грибов и прелых листьев. Но шутки пришлось оставить в покое, когда Дрон не обнаружил на себе креста, Сева взгрустнул всерьез – он не

нашел гитару, Женька раскрыл рюкзак, где лежали продукты, и высыпал из него мох, листья, солому, лесной сор, труху и мышинный помет. Я потерял свою бейсболку, с которой не расставался много лет. Нас обворовали, но виднеются следы? Вперед вышел Сева с версией, что нас преследуют воры, живущие на том самом хуторе, и мы их должны изловить. Тут Дрон обнаружил нечто! Вороньи следы за палаткой переходили в человеческие, причем, шестипалые. Я посмотрел на следы босых ног, – у человека на ногах реально было по шесть пальцев. Пальцы отпечатались на влажной земле с неестественной четкостью, будто кто-то с силой вдавил их в глину. Вокруг отпечатков земля была чуть присыпана чем-то серым, похожим на пепел. Я хотел сказать, что Леший оставляет знаки, чтобы путники поняли: это не случайность, аделки хозяина леса. Матерные слова Севы я передавать не буду. Также скажу: когда мы решили вернуться в деревню, я попросил ребят вывернуть одежду наизнанку, – по поверьям, это сбивает Нечистую силу с толку, но никто меня не послушал. Я вывернул свою куртку, и мы пошли, злые и угрюмые...

И зашли не туда. Я не узнал нашу тропу, как и Дрон, который на местности ориентируется будь здоров. Наша ночная тропа превратилась в петлю и через час мы пришли к месту своего ночлега. Выходит, круг дали. Нас встретили пучки скрученной травы, еще их называют кукушкины слезки. Три пучка. Сомнений не оставалось, – здесь бродит лешак! – А почему не четыре связки? – пошутил не верящий ни во что Евгений. – Нас-то четверо. Мы решили двинуть через лес, и не заходя на тропу, вернуться на хутор. Хуторяне должны встать рано, чтобы управлять со скотиной.

Идем. А там домов нет. Лавка гнилая стоит. Трава скошена. А домов нет. Следы свои и окурки ночной сигареты – нашли, а домов нет. На такой лавке сидеть мы ночью никак не могли, но ведь на чем-то сидели. Возможно, ночью мы были на другом хуторе или были здесь, но нам все привиделось. Пошли в деревню Духово, напился воды из колодца, зашли в избу молока выпить. Никто из местных о хуторе не слышал, и что стоят в лесу четыре дома, тоже не могли припомнить. Но старожилы за фляжкой водки, что у нас была с собой, рассказали. В XIX веке в лесу был хутор под названием Дор, и конюшня, и коровник, и свинарник. Теперь даже колодца не найдешь (хотя яма вроде осталась, присыпана только). Напала какая-то хворь на людей. Все померли, да не всех схоронили. Часть народа ушла в лес, там и сгинула.

Деревенский люд туда не суется. Раньше заходили в глубину леса, но грибы попадались ядовитые, а вот земляники было много по полянам. Но бывает, смотришь, ягода будто заговоренная – и варенье с нее не сварить, волчьей шерстью прет, вот тот самый случай, вонь была, – «хоть святых выноси».

Выведали у знахарей и травниц – места заговоренные. Грибы-то кругами растут, будто их скопления знаки собой представляют. Что характерно, в кругах торчали млечники, говорушки, рядовки чешуйчатые, мухоморы и сморчки. «Ведьмины круги» это в народе называется. Выходит, ведьмино то место и в грибной круг лучше не соваться.

Да еще вещи к себе надо прижать, чтоб лешак не сдернул.

В народе говорят «Ведьму не тревожь». А мы по глупости влезли. Как я понял одну древнюю старуху, если в «ведьмины круги» зашел, – стал «посвященным», и выход ищи в других кругах. Круги или иначе места силы надо где-то пройти.

Женька искал научное объяснение тому, что с нами произошло ночью на хуторе. Благо в деревне ловил интернет. Мы зауглили слова «хроноаномалия» и «хрономираж».

Достоверные источники утверждали следующее:

«Хрономираж – это явление, позволяющее при определенных условиях наблюдать события, которые происходили в прошлом. Временной интервал событий может варьироваться от нескольких часов до тысячелетий. Пока феномен не доказан, но одна из распространенных теорий связывает возникновение хрономиражей с так называемой памятью поля, где все события, когда-либо происходившие на Земле, были «записаны» и оставили свой след в

*ноосфере – сфере взаимодействия общества и природы. Другая гипотеза связывает хрономи-
ражи с психической энергией. По ней, психическая энергия, сохраняясь и накапливаясь в про-
странстве-времени, способна при определённых обстоятельствах «проявляться», передавая
картины прошлого или будущего».*

Явления подобного характера происходят редко, но если выделять места, где чаще, то это – Смоленская, Брянская, Владимирская и Тверская области. Посмотрел Женька на нас. Вот вам и объяснение.

– Оно и понятно, – говорю, – хутор перестал существовать в XIX веке. Хрономираж, значит, был.

У Севы было особое мнение. Мы просто не нашли ночной хутор, а на самом деле где-то стоят те четыре заброшенных дома, и живут в них лесные бродяги. Ну, у Севы на все свое мнение, так он устроен.

Чтобы подбодрить ребят, я рассказал им об аномальных явлениях на месте современного парка «Коломенское».

Есть запись о городском предании: в 1621 году в этом районе «из ниоткуда» появилась небольшая группа татарских всадников. А последнее упоминание о татарах в этих местах датируется 1571 годом, когда была отбита атака крымского хана Девлет-Гирея. Указано, что незваных гостей схватила царская стража и учинила им допрос. Воины признались: при отступлении они спустились в овраг, где был густой туман, надеясь укрыться под его завесой. А выехали они через полвека. Временные разломы, смещение времени, – что-то вроде этого. Может, не все так было. Не спорю. Во время рассказа – хлопки по плечу, качания головой, мол, придумки все это. Хотя написано об этом много. И люди ведь оставили тысячи свидетельств. Значит, что-то есть, значит, где-то «защита правда»...

Гость из ночной тени

...Как я уже говорил, нас было четверо: Сева, Женька, Дрон и я, с двумя палатками. Закупив провиант, мы ушли в лес, занялись поисками обители ночных воров, и ночью у костра продолжали свои споры, не подозревая, что мы уже не исследователи, а жертвы.

Как же мы были наивны, а может, самоуверенны, – мы не подозревали, что обречены, перешли границу живых и мертвых. Нас как в речной омут затягивало в расставленные кем-то силки.

Готовились ко второй ночи в лесу. За чаем засиделись у костра, как говорится, «пригрелись». А лес дышал и наслаждался прохладой. Вовсю раздавался стрекот сверчков – каждый, кто ночевал в лесу, помнит звук такой: «Трррррррррррр» – длительный, вибрирующий, с небольшими паузами. А еще вот этот: «Скскск-скскск-скскск» – звуки, похожие на потрескивание. «Фью-у» – о чем-то поведала далекая птица, но еще шипел на раскаленных углях комель дерева, а мы пригрелись, а после костра – в холодную палатку, – как подумаю, начинаю плечи усиленно растирать.

...Огонь не греет – обжигает лицо, пока ветер холодит спину. А если согреет, то вытерпишь жжение в глазах от дымка, нагнанного набежавшим ветром, и согреешься, а спина потеряет. Правда, откуда взяться ветру между деревьями? Ох, ветер – как поддаст дымка – не уследить, хоть у тебя три глаза. Зевать нельзя, – а то глаза потом красные. Но в тот раз мы прозевали кое-что другое. Костер в лесу умеет не только согреть: он точно маяк, соберет по округе всех, кого застала ночь в лесу, кто заблудился. Никто не заметил, в какой момент из тени вышел человек... На плече его были грабли с деревянными зубьями, какими раньше сгребали высушенное в поле сено.

С появлением странного гостя запах мха и прелых листьев внезапно стал удушающим. И вот у нас разом возникло ощущение: что-то с нами должно произойти, – и ждем, причем настороженно, – какое-то странное предчувствие, что мы здесь не одни. Шорохи, шорохи, и вот темнота леса расступилась, из тени деревьев вышел человек и пришел к нам по траве босой, в пиджаке старом потертом, рубашке, какие сто лет назад носили, – от Луны трава серебрилась, и выглядел этот тип мрачно, точно воскрес с того света.

По спине пробежал холод, – и не от ночной прохлады, это было из другой оперы.

Страх – ледяной, липкий, он скатился от затылка к пояснице, заставляя мышцы напрячься. Внутри меня что-то оборвалось. Словно тонкая струна, натянутая между миром живых и миром мертвых, лопнула, издав неслышный звон. Я перестал дышать, пусть на секунду, – боялся, что меня услышит эта опасная стихия, которую чувствуешь кожей.

Может никто не выходил из лесного мрака, может у меня буйная фантазия?

Тру глаза – нет, не показалось. Грабли он прислонил к поваленному дереву, на котором мы сидели, и бросив: «Касьян» (видимо его имя), расположился на земле, ближе к костру, но так, что лицо его оставалось в тени затухающего костра. Рубашка на нем, как с фоток пятидесятых, – с воротничком не «стоечка», а уложенным и достающим почти до плеч. Рубашка застегнута на все пуговицы (ну, не от комаров же). Завершал картину пиджак, большой, не по размеру, и широкие брюки, старомодные, помятые. По лесу в таком виде – не пьян, не заблудился...

Если честно, кого мы еще могли встретить, когда до трассы с дюжину километров, жильё еще дальше, «заброшки» не в счет. Глянул на часы – они остановились на 00:20. Пока я производил осмотр гостя, с ним пытались заговорить. Бесполезно, он молчал, как партизан. Сидел себе перед дгорающим костром, и точка. Не грелся, нет. Просто сидел. Я взял и плеснул воды на огонь, поднялся дым, все заругались, стали тереть глаза от едкого дыма. А ему хоть бы что, и на нас, конечно, никакого внимания, будто нас и нету. Вылитый «зомбарь».

Откровенно говоря, становилось жутко, но мы ждали «окончания фильма». А он посидел-посидел, да и поседел. Гляжу: волосы-то у него белые, как снег. А сначала было не так. «Подожди, как поседел?» – спрашиваю сам себя. «Так, волосы на его голове были черные, что грива коня, да еще зачесаны назад, а уходил – белые». В одночасье стал седым, белым-белым, как лунь. На лесника не похож, на туриста тоже никак, будто вывалился из другого времени. Мы его про дом, в котором он живет, успели спросить. Он пробубнил: «Дор» (название того самого хутора). Пришлось переспрашивать. Ответ последовал невнятный. Первое слово донеслось без первой согласной «[...]ёртвый», потом четкое – «у угла не стоить», и в конце – «возьмёт». Сложить все вместе не получилось.

– Куда Вы? – крикнул вслед ему Женька. – Отсюда до хутора далеко. И снова слышали его глухой, как из подземелья, голос – Вы нарушили покой мёртвых. Зашли в круг проклятия. Сову ждите. Мы опешили, он вроде рта не раскрывал, – смотрим, поплелся в лес, в темноту, со своими граблями, как ни в чем не бывало. И походкой неуверенной, будто виноват в чем-то был. Ни здравствуйте, ни до свидания. Может, привык к кострам – погреемся и уходим в темноту.

Сидим как полоумные. Нарушили чего? Непонятно. Пришлось вспомнить, что места для кострища мы в радиусе километра не нашли, да еще запутались на тропинах, и освоили свое место возле сваленного ураганом дерева, – палатки установили затемно. – Валим отсюда! – решительно сказал Дрон.

Но никто не шелохнулся. Все уставились на Женьку. Он, замерев, как статуя, стоял, повернувшись к лесу, хотя там ничего не было видно, и не откликнулся... только заметил, что деревенские говорили, чтобы мы на старом погосте не ночевали.

Леший

Мы сидели дальше и пилились в огонь, будто нас застукали за чем-то непотребным. Сидели, и каждый думал о своем. Костер уже не грел – только жрал воздух и пускал дым в глаза. Я вскочил, как ошпаренный. В голове пульсировала моя мысль, липкая и навязчивая: «Может, его не было? Может, это игра моего ума?» Но взгляд упал на примятую траву перед костром. Трава была придавлена сверху вниз, слой листьев и хвои спрессован в ровный круг – словно на это место положили тяжелый камень, а потом убрали. И запах. Он витал в воздухе, смешиваясь с дымом, – сладковатый, приторный, как от старых цветов, оставленных на могиле.

Огляделся. Конечно! Вон след, уходящий в темноту. Я присел с фонарем, и стал близко изучать его. След босых ног был тот же, как у палатки, с шестью пальцами на каждой ноге. Ребята не шелохнулись. И я решил догнать гостя. Ноги подняли меня раньше, чем голова успела сказать «нет». Нырнул в лес, как пробка от шампанского. Ноги несли меня, как спичку.

Вскоре показалась тень. Чья? Не человек вроде, не животное. Просто черная прореха в воздухе. Она удалялась, двигалась плавно, слишком плавно. Не переставляла ноги – скользила. А я ломился за ней, ломал кусты, хлестал себя по лицу хвойными ветками, сдирал с лица паутину. – Касьян! – заорал я, и при повторе его имени голос мой сорвался в петушинный фальцет. – Леший, мать твою! Зачем приходишь? Уже вторую ночь? Тишина. Только хруст сучьев под моими ногами. За тенью выбегал на просветы, и тут же попадал в темень и упирался в непроходимые заросли. Спотыкался, падал, поднимался. Кровь из разбитой губы текла на подбородок. Легкие горели. А тень – она не ускорялась. Она просто была всегда на одном расстоянии... Как привязанная. Как насмешка. – Я не отстану! – угрожал я. Быстро выдохся, но шел. – Зачем? – хрипел я в пустоту. – Что тебе надо? И тогда он дал о себе знать. Слева от меня дернулся куст. Сухой, ломкий. Дернулся так, будто его вырвали из земли вместе с корнями. А из-под него – шорох. Зверек. Маленький, серый, глазастый. Он не убежал – он просочился в чащу, как дым. И сразу стало тихо. Слишком тихо. Даже сверчки заткнулись. Я остановился. Понял, что его не видно. Только одна тень размножилась, – теперь их три или четыре. Пересчитал: точно три. Будто тени моих друзей. И тут меня накрыло. Страх пришел не постепенно – он упал на плечи, как мешок с холодной сырой землей. Мое тело вдруг перестало слушаться. Ноги стали ватными, в горле пересохло. Я попытался сделать шаг к теням, но колени подогнулись, и я рухнул на мокрую листву. Во рту появился привкус ржавого железа – так бывает, когда дикий страх выжигает изнутри. Мне показалось, что из темноты на меня смотрят не глаза, а черные дыры, в которых нет ни зрачков, ни жизни. Я развернулся и рванул обратно. Не помню, как бежал. Не помню, как падал. Не помню, как ветки хлестали по лицу, как набивал карманы трухой и прелыми листьями, блял бараном, катался медведем на спине.

Очнулся у костра

Лежу, дрожу, внутренности просятся наружу. Друзья окружили – смотрят на меня круглыми глазами. Сева крестится. Дрон занимается костром. Женька в ступоре. – Что с лицом? Ты где был? – спрашивают. – Тебя не было два часа. – Какие два часа? Максимум, десять минут, – говорю, а сам щупаю лицо. Кожа горит. Под ногтями – земля. На куртке – ветки, мох, какая-то дрянь, похожая на гнилую листву. Дрон протягивает флягу. Я пью. Водка горчит. Или это кровь с губ натекла. – Ты кого-то звал, – говорит Дрон.

– Это обычные воры-бродяги, – говорит Сева, – они от тебя удрали, я видел тени. Я смотрю в темноту.

– Никого я не звал, – говорю. – Вам показалось.

Вру. И они знают, что вру. Но никто больше не спрашивает. Потому что в лесу не задают лишних вопросов. Особенно, когда ответ может прийти сам. И не один. Лицо горит огнем. Царапины пульсируют. А за спиной Севы, в двух шагах от костра, снова шевелится куст.

Я не оборачиваюсь.

Я больше никогда не оборачиваюсь.

А тогда мы вспомнили, что сидел гость странно, будто закрываясь от всех, глаза не запомнились. Он, вроде бы спал, и глаза его были закрыты. Правда, Дрон сказал, что глаза у него без зрачков. Но мой приятель, как опытный походник, любит лесные байки. Потом до нас дошло, – гость имел в виду наш заход прошлой ночью на хутор. А так – больше ничего примечательного.

Меня отпоили чаем, и я рассказал ребятам одну историю.

История моей покойной бабки Ольги, произошедшая с ней в девичестве, в начале прошлого века

Да, появление Лешака вызвало в моей памяти одну историю, ее рассказала моя прабабка. Муж ее, Василий, служил в царской конной полиции Казани. Был при звании младшего унтер-офицера. Жену Ольгу взял из бедной деревни. Грянула революция. Семья без куска хлеба. Впереди деда ждали арест, допросы и ссылка. Вместо Бабочкина дед стал Яковлевым, сгреб семью в охапку, посадил на бричку, запряженную двумя лошаденками, и в леса. Четверо маленьких детишек и жена на сносках, – таков был дедов отряд для далекого пути в Сибирь. И не подался в бега, но обратно он уже никогда не вернется... Путь на долгие месяцы до зимы. Дорогой все чаще приходилось ночевать в лесах, добывать харчи, греться у костра.

...Сидят они ночью у костра, Ольга варит похлебку для семьи, да чай травяной для младшего, тот дюже хворый, горит весь, как вон та головешка в огне. Вдруг человек на бревно присаживается. Откуда? Да и пес не учуял, не лает. Откуда в лесу среди ночи? Босой. Без ружья, без торбы, – ни охотник, ни бродяга. Муж и дети притихли, а гость и разговор не ведет, молчит. Одежда из светлого сукна, будто спал человек где-то в городе, и пришел во сне. Страха от пришельца никакого. Но в глаза несчастной женщины бросилось другое. От ночного гостя исходил какой-то свет, ибо человек был светлый, и светлее сразу стало на пристанище. Молчит, чаю не просит. Поглядит на кого и легонько поклон головой сделает, глаза как насквозь видят, а борода белющая, застыла в воздухе. Каждому поклон сделал. Долго смотрел на бричку, где лежал болеющий сын Василия. Выходит, на кого взгляд положил, с тем у него состоялся свой разговор. Ольга на мужа: «Решай, мол, Василий, что за гость такой». Василий недвижим, как изваяние. На себя не похож. Ольга чай наливает, бежит к бричке. Оглянулась – гостя уже нет. – Василий?

– Не спрашивай. Я почему знаю?

– А я знаю. Но не скажу, чтоб вам спалось крепче.

Утром они узнают, что гость ночью ушел не один, – забрал он жизнь младшего сына. Ольга верила: на небеса. Лежал ребенок в бричке, а жизни в нем не было. Вот Бог и прибрал.

Покой мертвых не рубят топором

Ночевали мы... Жестко и зябко, – тяжело, короче. В первую ночь уснули быстро. Я ворочался, хотя Дрон вроде спал и похрапывал. Все мне казалось, что кто-то в палатку сейчас заберется, что кто-то стучит по палатке теми граблями, как у гостя. Не ночь, а пытка и тревожное ожидание утра. А потом еще журчание добавилось! Тихое-тихое, с постепенным усилением. Откуда ручей? Мы его не видели. Воду притащили из деревни. Однако! Журчание ручья обычно успокаивает, расслабляет, но тут наоборот, даже показалось, что вдоль ручья кто-то идет и не бурчит, не шепчет, а разговаривает в полный голос! Может, радио у того «прохожего»? Да нет, голос то удаляется, то приближается. Причем женский голос, такой певучий, в самый раз для старинных заунывных песен. Мы, как солдатики, повыпрыгивали из спальных мешков, – светим в темноту нашим проектором – мощнейшим фонарем (не зря прихватили), – ни-че-го! Всем-то не могло показаться... ну ладно одному, но всем?

Для снятия напряжения каждый высказался. – Ребята, а помните, мы ночевали под заброшенной деревней на реке Сухоне, под Устюгом? – Да. Там тоже заговоренные места.

– Да вообще! Страху натерпелись. Все конечности онемели, я уже смирился с тем, что призраки нас просто придушат, – и ничего, до рассвета продержались. И здесь продержимся. – Ладно, что не почудится: звуков в лесу уйма! А скоро утро, давайте спать. Лежим, как партизаны в тылу врага. Слышим разговор в полный голос, да слов не разобрать. Да это ручей так чудит, кто не знает. Мы журчание воспринимаем за голос. Бывает голос женским – значит, более спокойный, ровный и поласковее. С мужским посложнее – там ветки, камни, глубокие повороты у корней, вода бьется, и звук изменчив. Наш ручей оказался мужским. Но час от часу не легче. Вот к его звуку добавилось лакание, хлопанье и тяжелое дыхание. В воду кто-то залез? «Мишак!» – точно. Он если не воровать заявился, то его будет слышно. Звуков от него море: топочет, пыхтит, ухтит, бухтит, чмокает, и блаженно урчит, а то и хрюкает, как поросенок. Вот же скотина лесная. Охотники порох поджигают, чтобы зверь не залез. Запах держится не одну ночь. Может, поорем маленько... испугнем? Начали орать со всей дури. Когда голосовую атаку закончили, – лесные звуки повторились. Рано-рано все вскочили. Ночь-то веселая была. Все вещи на месте. Рюкзаки приткнуты у палаток. Куртка на сучке. Пакет с мусором у бревна. Стало быть, не медведь тут гулял. А где топор? Топор вроде ночевал в одной из палаток. – Ну и рожа у тебя, Шарапов, – Сева присмотрелся к моей физиономии и вспомнил фразу Высоцкого из фильма.

К ручью. А его еще найти надо. Искали, прислушивались, нет, никак он себя не обнаруживал. Оказался под сваленными ветками. Но следов никаких. Много старой листвы. А кабы медведь, – без отпечатка на дне ручья или с краю не обошлось бы. След мы все-таки нашли, но это был след парнокопытного животного, скорее козла. Выходит, ночью козел гулял тут. Больше всего нас смутило другое. Среди веток заметили обломок чернеющего деревянного креста, как с могилы. Осмотрелись: бугры вокруг, – поняли: могильные холмы вокруг. Какие мы дураки, – спали на могилах. Вот где угораздило ночью разбить лагерь!

Деревня «Черная Грязь»

Утром шли, как в воду опущенные. Дрон вспомнил Жанну, нашу красавицу и спутницу по студенческим походам. Она говорила так: «Пять лет плотно промышляли по «заброшкам», чего только не случилось, все равно я осталась трусихой». А ведь так мог сказать каждый из нас, Жанна оказалась честнее других. Дошли до отрогов какой-то бывшей деревни, про которую в Духово никто не упоминал. По дальним зарослям борщевика торчали перекошенные столбы, трубы, бревна. Мы бы дом не заметили, если бы не труба – черная кирпичная печная труба торчит среди сорняка, хотя сторожка наполовину ушла в землю, и крыша завалилась. А вот стекла на окнах держались, потрескались, затуманились, но держались, еще рама повисла на ржавых петлях – все застыло, как во сне. Было два резных наличника, да пересохли, мало-мальски сохраняются очертания работы мастера, а дунешь – осыплются. Обнаружили грабли у входа. Может не те, что были у ночного гостя, а может, те самые, и, стало быть, здесь он обитает.

Пробрались через колкий сушняк. Зашли в сенцы. Одна дверь в избушку, другая в чулан, еще не отвалились кованые засовы. В сенцах встречает кресло, тканевое, с перьевой подушкой. Кресло порезали мародеры – искали, видимо, «брыльянты». Подушка давно была белой, затем серой, теперь под черными лепестками пепла (от горения? Непонятно), разорвана, и пух повсюду, аж на стенах, не знавших никогда краски. Хозяйка набивала эти подушки пухом, на что-то надеялась, чего-то ждала. Зашли в избу... Время замерло и будто плавает облаками над раскиданной, переломанной утварью. Запах той, старой жизни, советские коротенькие занавески в цветочек, зеркало треснувшее и сервант с облупившимся лаком, да обломками пластинок и фарфоровой посуды. Рассохшиеся половицы поскрипывают – оглядываешься, не здесь ли бывший хозяин? Подкрадет старый, мохнатый дед – застигнет тебя врасплох. Посреди комнаты – круглый стол, стоит еще, а вот стульям не повезло: безногие уже, да «безсидушные». Слева объемная старая печь и завалинка. С виду печь такая, что можно растопить, – пару дыр глиной залатать – и растопить. В дальнем углу комнаты полка с разбитыми окладами от икон, салфеткой с расшитыми вишенками, когда-то бережно положенной хозяйкой. В деревнях иконы-то были дешевенькие, но кто-то их унес в надежде на наживу. Скромная утварь кочевала по избе. Видно, что лихоимцы ничего найти не могли, а потому долго и нудно перекидывали вещи с места на место, как капусту на огороде, начали разбирать русскую печь, спускались в подпол... Но их что-то спугнуло. Вот здесь, на драный коврик, они высыпали на пол монеты, ручные часики, железные пуговицы. Окурки набросаны у входной двери – будто сидели за ней и выглядывали во двор. На столе фотографии бывших жильцов, письма, конверты, почтовые открытки, несколько облигаций госзайма, справки, пенсионные удостоверения членов колхоза. Искатели легкой наживы вытряхнули все из старенького фанерного чемодана. Сам чемодан здорово пострадал: его зачем-то рубили вместе с тумбочкой – очевидно, искали второе дно. Есть засохшие черные пятна – кто-то от усердия поисков клада поранился. Фотографии черно-белые, пожелтевшие, потрескавшиеся, поломанные. Вот из пансионата в Гаграх – видимо, с этим чемоданом ездили. Фотки в основном пятидесятых-шестидесятых, более поздние не попадаются. А встречаются такие, от которых аккуратно, бережно оторваны фрагменты, будто не должен был тот человек оставаться на фотографии. Жители умерли, а фотографии, кажется, еще пытаются сохранить дом. Особенно вон тот одинокий портрет хозяйина без хозяйки на стене за стеклом, в рамке 40 на 30. Вандалы портрет не тронули – удержались, чтобы не поглумиться, не разбить.

Наши восемь глаз все еще лежат на портрете мужчины. Что-то в нем есть, что-то завораживает. Ну конечно, это тот самый человек, что приходил ночью к костру. Пиджак серый, рубашка старомодная, и прическа... волосы зачесаны назад, и наверняка для фиксации смазаны сахарным раствором – ведь бриолином в лесу не разживешься. Лицо, прическа и одежда

совпадают. Немного мешает отражение света из окна, но никто не сомневается: перед нами один и тот же тип. Выходит, он здесь живет. Снимаем портрет, сохраняем на нем «столетнюю» пыль, на обоях остается светлое пятно (давно портрет не снимали). На заднике надпись: «Касьян Кудим. Д. Черная Грязь. 1956 год». Человек, который на снимке, имеет возраст лет 50–55... Сейчас ему бы стукнуло за 110, не меньше. У костра мог быть его сын или внук. Сыну его, в лучшем случае, 70, а скорее всего, 80 лет. Ночному гостю можно дать, как и человеку на снимке, 50–55. Ночной человек мог быть просто похож на хозяина на портрете – что здесь такого? Вот и деревянные грабли: с такими же он вышел из леса. Держатель из ствола тонкого дерева, на конце выглядит как рогатка. Схватили их, будто они сейчас все расскажут. А слой пыли на граблях в 2–3 миллиметра, ровненько покрыто так. Выходит, не с этими граблями явился гость. Наконец, самая реальная версия. Какой-то псих лазит по заброшкам. Напялил старую одежду. Назвался давно умершим Касьяном, таскает ночью с собой грабли, а может, и вилы припрятал, и топор, чтобы страшить походников. Скажем, оберегает места от чужаков. Не важно, Касьян ему дед или вообще никто. Сходство может быть случайным. И прическу заделать под Касьяна тоже много ума не надо. Значит, живет он где-то поблизости, прячется сейчас вон в том ельнике. И здесь был недавно: на столе пыли меньше, чем на утвари. А чего он с нами не разговаривал – тоже есть объяснение: зло переполняет человека, вот он и бесится. По всему выходит, мы имеем дело с сумасшедшим.

Смятенный дух Касьяна блуждает по лесу

Чего от него ожидать, если он следит за нами? Беремся изучать письма, может, что-то прояснится. Начали с открыток. Касьяна и Марию поздравляли с Новым годом. О детях ни звука. Письма были от какой-то Нины, да еще Евдокии. В письмах сложно было разобрать почерк, но опять же: ни в начале письма, ни в конце дети не упоминались... Выходило так, что супруги были бездетные. Резонно предположить, что у Касьяна был второй брак, и остались дети, – так нет же, он рано женился на Марье. А письма самые первые – с пожеланиями первого ребенка, и вот оно! Кто-то поддерживал Марию, видимо, она до этого признавалась, что беременна. Дальше ни слова об этом. Правда, попало одно странное письмо, в пятнах, помятое, с размытыми кое-где чернилами от той же Евдокии. В нем было сказано, что Касьяну надо сходить в церковь, что грех взял на себя, что до слез жалко Марию, такая беда с ней, а ниже, после слов прощания, был приписан адрес важного врача в городе, в котором жила Евдокия. Дополнительно указывалось, что Мария обязательно должна тому лекарю написать и показаться, и Евдокия встретит ее на вокзале и сопроводит. Из скупых слов все складывалось так, будто Мария потеряла то ценное, что берегла, да не уберегла. На что надеялась, да напрасно. Вот почему не висит рядом с Касьяном портрет Марии, и среди фоток нет ни одной, где они вместе. Оторвала она себя от него на всех фотках, не простила ему чего-то. Надпись на обороте «Касьян и Мария Кудим», но половинка фотки с Марией оторвана. По всему выходило: ночью нас навестил сам Касьян. Ну бред же! Он давно покойник. Но душа-то его мечется. Мы сделали попытку узнать, а дата сегодняшняя, 3 августа, – может, она как-то связана с Касьяном? Нет, никак. День рождения у него зимой, хоронили его тоже зимой, а потом, через несколько зим, не стало и Марии. Оставались дни поминовения. Вспомнили, что 3 мая – Радоница; 11 июня – Троицкая вселенская родительская суббота; 5 ноября – Дмитриевская родительская суббота. А память работает отменно, когда нет надежды на интернет. Дрон выходил во двор, искать колодец, и сейчас вернулся. Он обнаружил колодец, но утверждал, когда заглянул в него, на него смотрело лицо Женьки. – Пошли отсюда, – призывает Сева, так и не нашедший своей гитары. – Жуть какая-то, – говорю я.

– А сколько времени? – вдруг очнулся Женя.

– Е-мое! Мы здесь уже четыре часа, – отвечает ему Дрон.

«Не может быть, – думаю я. – Ну как не может? Зашли – двух не было, а сейчас почти шесть часов. Скоро начнет темнеть. Третью ночь в палатках... да мы с ума сойдем». В сенях мы встали и ни с места. Со двора слышались звуки песни, да что там слышались, – разливались звуки тонкого женского голоса, исполнявшего тоскливую песню, как на поминках, а вокруг ни одной живой души. Прислушались – да это ж колыбельная. «О, баю, баю, баю, Не ложися на краю, Придет серенький волчок, Он укусит за бочок, И потащит во лесок. О, баю, баю, баю, Потерял мужик дугу, Шарил-шарил, не нашел, Сам заплакал и пошел».

Дверь из сеней на улицу была прикрыта, мы припали к щелям, но ничего не разглядели. Дикость какая-то. Откуда? Вышли. Смотрим, – из трубы сарая идет дым. Да нет, скорее за сарай мы приняли баню, низенькую баньку, и ее кто-то топит. Хорошо топит. Но к строению прохода нет: дверь заколочена, прижата каркасом перевернутой телеги, заставлена бочками, бидонами, ведрами. Будто там тоже прятались. И вокруг бани заросли в два метра, выше, чем перед избой. Окошко настолько мизерное, что снаружи проникнуть может только кошка. Она и затопила баньку, – смеемся мы от растерянности. Начинаем дружно мяукать, лаять, хрюкать, подражая домашним животным. И лишь отрезвляющий голос Дрона нас останавливает – Осторожно, смотрите под ноги! Тут с крыльцом не ладно. Гнилое, это понятно. Провалиться можно, ясно. С крыльцом ничего, да усыпано все крупой. Не заметили ее, когда сюда шли, или ее не было. Насыпано недавно. Кто-то намекает, может, нам? Стоп, стоп, нам пора раски-

нуть мозгами. Дым, крупа, что еще? Полотенца намотаны на углах. Когда входили, всего этого не было. Куда мы вляпались? Дым из бани в обрядах имел свое значение. Так звали мыться покойника. Ставили ему тазик и клали березовый веник. А крупой покойника заманивали за стол обеденный, крупу сыпали в гроб. Вот и полотенца, намотанные в сенях у входа и на заваленном заборе: на них опускали гроб в могилу, а потом наматывали у калитки и дверей – приглашали покойника вернуться.

– А-а-а! – сказал один из нас. – Тот человек ночью сказал: «мёртвый». Да! Мы просто охренели. И без труда собрали фразу: «Мертвый у угла не стоит, а свое возьмет». Вот что он сказал. По всему выходило, что он придет, вернется сюда. А что или кого он возьмет? И кто он? Я уже начал сомневаться в лешем. Возможно, речь идет о блуждающем духе. Покойник обижен на людей. Страх мы прочли в глазах друг друга. И не знали, откуда ждать опасности. По поверьям, если покойник не получал приношений, наступала месть духов. Но что это за месть? Не будет она нас доставать, когда мы уберемся отсюда? Допустим. А как это связано с тем шутником, что насыпал тут свежую крупу, на вид пшенку? «Весело, где-то прячется местный идиот», – подумала одна половинка нашей команды. «Или чертовщина?» – подумала другая. Но все молчали. Деревню надо было покинуть, пока не стемнело. Причем без ущерба здоровью, если кроме шуток. Вышли, услышали из леса крики, напоминающие, что человек заблудился, но уже все понимали, что это могут быть проделки Лесного духа, в каком бы виде он ни существовал. А из леса все сильнее раздавались душераздирающие крики. Оглянулись, – последним шел Женька, а его-то с нами уже не было. – Женька! – крикнул я.

– Да не ори ты! – осек меня Сева.

– Ты ж в лешего не веришь? – упрекнул я.

– Да, б...ть, помолчите вы, – вежливо попросил Дрон.

Через пару минут, как ни в чем не бывало, из-за деревьев показался Женька. Четыре пришельца скорым шагом направились к ближайшим кустам смородины, а там на север по компасу, в направлении Духово. Поначалу вздохнули, рюкзаки уже не показались такими тяжелыми. Но холод прошел по позвоночнику, и волосы зашевелились на затылке, когда мы поняли, что нас опять осталось только трое. – А где Женька? – спросили мы сами себя. И увидели потерянность в глазах друг друга. Мы сразу поняли, почему его с нами нет. И Дрон признался, что это ему Женька сказал про глаза ночного пришельца: сам он не видел, что у того глаза без зрачков. – К чему ты это вспомнил? – спросил я. – Ну как? Женька все приглядывался к нему... тот его и забрал. – Что значит – забрал? Ты что, прикалываешься? – стал упрекать Дрона Сева. И тут Дрон сказал неожиданную версию. Мысль его была такая. Женька сейчас в заброшенной деревне. Вот почему его отражение было в колодце. Его как бы Нечистая сила туда заманила, чтобы и мы вернулись. Но если вернемся – не выйдем. Лучше не поддаваться – дожждаться Женьку в лесу. Вскоре он указал дрожащей рукой на землю. На влажной траве, прямо перед нами, тянулась цепочка следов. Но не наших. Босых. Слишком широких для человека. И вели они в деревню. Мы стали ставить зарубки на деревьях, привязывать лоскутки, чтобы Женька нас нашел. Мы ступили в густой темный ельник. Прошли его насквозь. За ельником тянулся редкий хилый березняк. Ноги уже были не такие свежие, но надо было сделать круг и дожждаться Женьку. Попали в смешанный лес, а дальше увидели подлесок. Свалились на перевал. Ни линий электропередач, ни одной тропинки. Наоборот, пошли болотистые места. И их минули. Снова вышли к той же деревне. Дрон и Сева вошли в дом – никаких следов Женьки. Завалились во дворе, смотрим на небо. В таких случаях начинается паника, споры, ругань – да оно и понятно, но все выдохлись и молчат. Понятно и другое: дом не отпускает тех, кто в него пробрался. Те, кто был здесь перед нами, тоже испытали тревожные минуты и явно удрали, все побросав. И не важно, с какой целью они тут оказались. Седьмым чувством мы улавливали: Женька не вернется. Нужен какой-то обряд, чтобы вырваться отсюда вместе с ним. Уже никто в этом не сомневался.

Обряды для мертвых

Я давно знал, как и Дрон, который прошел все заброшки, – хочешь войти в дом заброшенной деревни – поклонись ближайшим дворам, что в округе, да поспрашивай разрешения – уж дадут знак, будь уверен. Ведро упадет в колодец, дверь скрипнет, со стены слетит коромысло на пол, даже грохот посуды – все это сигналы: входи, мол. Мы ничего из этого не сделали. А ведь видели в зарослях останки ветхого жилья, густые там заросли, но мы видели. Не пошли, – не поклонились холмам, – не спросили разрешения. – Все проще пареной репы, – сказал один из нас, а именно я. – Мы должны провести ритуал благодарения хозяину. – Благодарения, что пропал наш друг? – уточнил Сева. – Да, пусть нам его только вернут живым, – сказали мы на пару с Дроном. – Кто вернет? Призрак? Леший? Какой-нибудь психопат? – не унимался Сева. Дрожь пробежала по коже. Мы качали головой, боясь представить, с кем или чем имеем дело. Надо оставить хлеб и воду в красном углу. Нашли, поставили. Надо навести порядок. Но не подметать – мало ли что. Очистили стол. Перед поминальной трапезой хозяин три раза обходил вокруг стола с караваем и зажженной свечой, поминая по именам всех умерших родных, да и всех остальных земляков, приглашая души к трапезе со словами: «Прыбывайце к гэтаму сталу!» Это вспомнилось участникам нашей скромной экспедиции. Мы обошли стол со свечой и хлебом – слова проговорили на три раза. Мы знали: люди верили, что во время произнесения слов ритуального приглашения предки выходят из могил и приходят за стол поминальных кушаний. Так тому и быть. Мы ждали Касьяна. Вслух произносить его имя было нельзя. У кого что осталось, выложили на стол. Аккуратненько. Еще что надо сделать? Взяли стакан, налили в него из фляжки остатки водки. Каждый поднимал стакан и произносил: «Будзь здароў, дзед» – и плескал виски через разбитое окно; брал по кусочку хлеба, печенья, хлебцов и выкидывал за окно. Полотенце, длинное, висело у двери, – а вдруг на нем спускали гроб в могилу, потом принесли сюда и намотали у входа? Допустим, Касьян здесь. А что делать с полотенцем? Касьян нахмурился, так показалось. Зацепили кочергой и сожгли в траве. Нет, нам не приходило в голову, что мы занимаемся ерундой, но знали, дом принимает наши знаки. А как дом нас держал? Держал – и все. Попробуй объясни словами. Вернулись в дом, – лицо на портрете посветлело. Сейчас повеселее будет. Занавески сдернули. Окна раскрыли, пусть сыпятся стекла. Мы поняли, что бедолаги-кладокопатели плохо кончили. Но мы должны вырваться... Они не успели пожить бесхозным добром, покопаться в барахле, устроить ночлег на скрипучей койке, позавтракать среди смрада и запустения? Да! Они пытались вырваться? Да! Что с ними случилось? Вот это было непонятно. Но с Женькой должно быть все нормально. Перед домом мы все выкосили, кустарник вырубил – нашли литовки, косы, ножи, топоры, – все инструменты ржавые, затупленные, но потихоньку косить-рубить можно. Все барахло, и фотографии с письмами, и порушенную мебель, и остатки старой изгороди собрали – снесли на костер посреди двора. В пустой комнате дома оставался стол с нашей скромной едой, а над ним – портрет Касьяна. И мы ждали его у костра: может, он придет, как минувшей ночью, и мы попросим простить Жеку, как бы тот ни провинился перед мертвяком. Стоп! У двери, дряхлой, покосившейся, на ржавых петлях, оставались грабли. Точно сейчас придет. А он не показывался. Бушевал огонь – а Касьян не показывался. Мы ходили вокруг и пели, пока трава не стала послушной и не улеглась под ногами. Мы ходили и пели, пока не сожгли все начисто, пока в 00:20 не бросили в костер чемодан со всеми бумагами – и грабли, которыми он однажды, случайно или намеренно (будем верить, что все же нечаянно), ударил беременную жену, и у нее случился выкидыш. Касьян к нам так и не вышел. Мысленно мы простились с нашим другом, понимая, что это могло произойти с каждым из нас. Ночью искать его по лесу бессмысленно, как ни цинично выглядит. Но мы надеялись, что дух Касьяна успокоился. И Женька выйдет из темноты леса, как ни в чем не бывало. Ведь было ощущение, что

подобрел Касьян на настенном портрете, и даже на другой фотографии, где Касьян с Марьей у кого-то в гостях. Марья оторвала себя здесь, да не полностью. Узнаваемо ее платье, она стоит в нем на другом фото одна. Зато в письмах не могла оторвать себя от Касьяна – схоронила его, а душа не на месте. Взясась сны свои описывать. Вот момент был в нашем скромном расследовании – так мы и устали друг на друга. Еще бы! Перед нами были письма Марии, писала, да не отправила ни одного. И во всех снится ей Касьян. А чего перед костром вспомнили про письма? Письмо было, где Мария описывает наш костер, задолго до этого момента, много лет назад... Невероятно. Вот так штука. Нашли слова ее и прочитали вслух, как молитву: «Стоить костер, все становятся так кругом, а Касьян стоит под окном уже и открывает занавески. И кругом костра стыят и поют. Стыят вокруг и к окну поворачиваются и поют. Тожа ж уже уходят души, видишь, улетает тада ж...». Она посещала нас сегодня – мы слышали ее голос, может, она с нами у костра, в котором сгорит то, что так тяготило Касьяна. Не случайно мы встретили сову. Она не ухала, не шипела, она неподвижно сидела на ветке сосны, ближе к стволу, как чучело из зоологического музея.

Дрон нас просветил. Молчание совы было закономерным в это время года. Весной происходит брачный период и выведение птенцов, и там они ухают «во всю ивановскую», а вот летом они обычно молчат в период линьки. Мне показалось, или на самом деле, но сова какая-то синяя. Она не двигалась. Вообще. Ни одно перышко не колыхалось на ветру. Но ее голова, казалось, слегка повернулась вслед за нами. Я почувствовал на себе этот взгляд – пустой, немигающий, уничтожающий. Птица запоминала наши лица.

Наступил момент, когда мы не боялись поднять глаза на пустые окна дома. Момент, когда легче стало на душе. Стало быть, дом отпустил нас. Нет, но поверить, что она так точно описала наш костер, было трудно. Мы не смогли сжечь то письмо и опять перечитали слова Марьи про костер Касьяна. Один из нас, Сева, рвался на то место, будто Женька сидит там, ждет нас и плачет, что мы не приходим. Бред, конечно. Была слабая надежда, что он заблудился, а потом вышел в Духово и там нас ждет. Хоть бы так. Когда начало светать – мы пошли в Духово. И здесь случилось необъяснимое. Сначала Дрон сказал нам, что идет за Женькой и повернул обратно, и скрылся в чаще, а потом Сева сказал мне, что идет за Женькой и Дроном, и тоже скрылся в чаще...

После, после, после...

Меня нашли лежащим в чужом огороде, между рядами картошки, на краю Духово, завели в избу, потом отвезли в город, – все это было у меня перед глазами, как в бреду. Когда я немного очухался, следователь спросил про ребят, назвав их по фамилиям... Значит, все это был не сон. Меня ждали задержание, камера, подозрения и допросы. Я все рассказал, не раскрывая только наши находки в доме Касьяна и обряд перед домом. Шли дни, недели, месяцы. Ребят так и не нашли. Они будто исчезли. Поиски отрядов спасателей и волонтеров никаких результатов не принесли... Мы перешли черту. И только я зачем-то остался.

Я вспоминал слова ночного гостя о том, что мы перешли запретную черту. И все равно спрашивал себя, почему я остался в живых.

Я почитал мифологию о лешем и сделал кое-какие записи. «В народных верованиях лесной дух в ночное время может являться в виде человека, особенно уставшего путника.

Волосы лешего спутанные и длинные, в них застревают ветки и трава; может быть плешь, у лешего обязательно есть борода. Именно она хранит силу лесного духа. Кожа лешего имеет зеленоватый оттенок, а глаза могут сиять, как угольки, а могут быть мутными, как вода, в которой растворили мел. Неотъемлемая особенность лешего – это хромота, поэтому он будет опираться на палку, лопату или грабли. Но все обманчиво, – при желании леший легко догоняет странников и уводит в лес.

Леший в лесу играет роль своеобразного оборотня, – то вырастает, как медведь, то бежит между пнями как соболь.

Леший любит развлечься. Путает тропы, притворяется грибником, чтобы выйти навстречу грибникам. Он способен незаметно завести человека в лесную чащу и начать водить его по кругу, долго не позволяя выбраться из леса. Отсюда, скорее всего, пошло известное выражение: «Заблудиться в трёх соснах». Если лешего сильно разозлить, то он даже может убить путника – сначала вывести прямо к лесной топи, а потом толкнуть его туда. Он также весьма равнодушен к красивым женщинам. Поэтому молоденьким девушкам ходить в лес в одиночестве не рекомендуется, чтобы не пропасть там бесследно, став женой лесного духа. Леший может искать себе замену среди тех, кто понравится ему в лесу. Есть тысячи рассказов очевидцев, заплутавших в темных чащах и утверждающих, что из западни их вывел именно добрый леший. Но не зря леших величают блудунами, шатунами или манилами.

Часто они забавы ради уводили путников с тропы, а после выводили их на верную дорогу. Когда пребывали в плохом расположении духа, лешие могли наказать человека страхом, голодом, загнать его в болото или насрать на него дождь. Часто мужики, которые отправлялись в лес нарубить немного сучьев для помоста или белку подбить, встречались с недоброжелательным лешим. В таком случае нужно быстро вывернуть всю одежду наизнанку и произнести молитву. На праздник Купалы к опушке леса для лешего приносили жертвоприношения. Нередки рассказы, когда в лесной чаще на путников наваливалась гнетущая тишина, которая будто придавливала к земле. Считалось, что это проделки манил и испугать проказников можно огнем.

Также я обратился к статье одного физика. И выписал его цитату. «С точки зрения физики, леший может быть сгустком энергии. Физические очертания такой поток не приобретает, поэтому образ лешего – плод бурной фантазии. Но сам сгусток энергии может вызвать галлюцинации и миражи. К слову, на подобные визуальные моменты влияет также психоэмоциональное состояние заблудившегося в лесу. Как правило, человек напуган, он ощущает тревогу и страх. В состоянии аффекта легко увидеть то, чего на самом деле не существует». Да, мы нарушили древнюю святыню, да, мы нарушили какие-то обычаи леса и хутора, – за это трое ребят должны умереть, а я должен зачем-то остаться? Выходило, я один прошел сквозь чистилище, а остальные «перешли черту» и хрономираж их забрал? Не понимаю и не нахожу

ни одного объяснения. Как сумасшедший, спрашиваю у леса: «Как среди бела дня могли бесследно исчезнуть трое парней? Что я скажу их родителям, которые не смогут их даже похоронить? Кому ребята причинили зло?»»

Глава 2. Тверской лес. Поиски оборотня

Посвящается тем, кто укрощает волков

Предложение, которого я не ждал

Мы собрались в гараже: Афанасий, Екатерина и я.

– В Тверской губернии есть зона леса, где «заброшек» тьма.

При этих словах Афанасий сложил руки на столе и сделал такой вид, будто раскрыл страшную тайну, которую до этого долго держал взаперти. Он многозначительно посмотрел на меня, потом на Катю, которая сидела от него чуть дальше:

– У нас там реальный интерес, – я не скрываю этого. Все экспедиции встали. А почему? В одном сраном хуторе, где остался только однорукий старик-инвалид, завелся упырь.

И Афанасий замолк, будто язык проглотил.

Я решил разбавить обстановку:

– Афанасий! Помнишь у Высоцкого: «Появился дикий вепрь огромный – то ли буйвол, то ли бык, то ли тур»...

– Ну, реально! Посуди сам. Люди погибли, не потратив ни одного патрона из обоймы. Никто туда не едет ни за какие коврижки. Туда сталкеры не лезут, охотники не суются. Согласилась одна шайка мародеров, и то за баснословную цену. Но они отбитые на голову – я с такими и за копейку не подпишусь.

– Ты сказал: «старик-инвалид». Что за старик?

– Да хрен его знает. У деда была семья. Давно всех похоронил. Но оборотень его не трогает. Есть подозрение, что дед упыря подкармливает, прикрывает от всех, поэтому у них там дружба типа того.

– Логично.

Тут Афанасий как будто стал крупнее и толще, чем был, он посмотрел на меня с упреком – понял, что я прикалываюсь, но решил проглотить «пилюлю» и, более того, показать, что его не интересует, что у меня случилось на Смоленщине, где из леса вышел я один. А чего ему переживать, он моих друзей не знал.

Несмотря на то, что с того похода уже прошло какое-то время, рана не заживала. Но я все больше убеждался, что все произошло не случайно, что за всем этим скрывается какая-то сущность. И она еще даст о себе знать.

Мы сидели в его байкерском гараже, пропитанном мазутом, солидолом и бензином, перед его знатным «Харлеем», хром которого блестел как лезвие ножа.

Афанасий нас нанял и теперь инструктировал. Но как может инструктировать тебя тот, кому кроме мотоцикла ничего не надо? Верно, немного свысока.

Речь шла о том, как два идиота, я и Катюшка, забредем на хутор, куда «захаживает» оборотень. Точнее, не забредем, а будем заброшены на автомобилях, прямо как «десантура».

Я посмотрел на Катю, в упор, даже немного неприлично посмотрел. У нас шапочное знакомство, я видел ее второй или третий раз, мы только здоровались. Зачем она мне нужна и зачем она согласилась идти со мной, да еще в какой-то дурацкой роли?

– Хутор окружен болотами. Вот карта. Одно понять не могу: зачем дом на болотах построили? Может, и раньше там оборотни жили. Может, династия, так сказать?

Раньше я участвовал в поисках одной девушки. Тоже сталкивался с этим вопросом. Болота там существовали много столетий. Для болота нужен слой торфа не менее тридцати сантиметров. Но скорее всего дома здесь построили не на болоте, а на большой поляне, неда-

леко от водоемов, заболоченных земель и самих болот. Однако при низком уровне грунтовых вод берега озер зарастают тростником и осокой. Со временем на поверхности воды формируется плавающий ковер из веток, листьев, корней растений. Процесс нарастания торфа приводит к образованию мха, перекрывающего существование других организмов. Слой торфа увеличивается и растет вверх. Не так быстро, конечно, примерно один миллиметр за год. Понятно, что за сто лет одиночества всё поднялось на десять сантиметров. Этого оказалось достаточно, чтобы дом попал в окружение болот.

Он локтем смахнул с широкой доски всякий хлам и расстелил потасканную топографическую карту. Видно, с ней не расставался.

– К хутору попасть и, соответственно, выйти с него можно только одной узкой дорожкой. Машиной не проедешь, хотя еще август. Нигде не сообщается, но две группы сталкеров – короче, все, кто грозился оборотня извести, – пропали с потрохами. Причем с оружием. А почему? Он их на тропе подкараулил. Вот смотрите: вокруг сплошной контур, покрашенный зеленым цветом. Видите густые параллельные полосы с проборами из островков растительности? Это непроходимые болота. Там глубина в несколько метров. Накроет с головой.

– Зачем девушку на это посылать?

– Подожди, щас объясню.

Пока Афанасий расшифровывал свою легендарную карту, я обратил внимание, что если встать лицом к хутору, то правее полосы были не сплошные, а с большими пробелами, на них был обозначен травянистый покров. Так рисуются как раз проходимые в тёплое время года болота. Афанасий то ли специально, то ли по незнанию об этом умолчал.

– Имейте в виду: болотистая местность – это значит змеи и кровососущие насекомые. Комары и клещи там лютуют. Комаров просто тучи. Обязательно с собой хорошую мазь.

У меня собиралось все больше вопросов.

– Кто назвал его оборотнем? – решил такой вопрос задать.

Афанасий почему-то опешил. Видать, не задавался таким вопросом. Кстати, про себя я уже назвал того злодея Афанасием, в честь сидящего передо мной инструктора Афанасия. Не зря же он оказывал нам такой горячий прием в гараже.

Различать Афанасиев я решил так: этот – гаражный, тот – болотный. Этот будто сделан из ремкомплекта и живет в гараже, до потолка инкрустированном отвертками, пассатижами, кусачками, ножами, накидными ключами, шестигранниками, канистрами, шлангами, патрубками, шинами и кусками резины, хомутами и емкостями, трещотками с головками, настольными тисками, молотками и киянкой. Тот – житель болотной глуши, обросший, как кочка, мхом и кровожадный, как хищник. И еще: от Афанасия первого, гаражного, воняет так, что второй по сравнению с первым, скорее всего, образец чистоплотности. Хотя ничего нельзя было исключать: миссия была опасна, не зря Афанасий платил нам за нее приличные деньги. А взяли нас вот почему: в смоленском походе лешак по какой-то причине меня не тронул, – Афанасий посчитал, что у меня есть защита и на всякую нечисть управа. Нас не посылали убивать эту нечисть, мы должны были выяснить, что оборотень из себя представляет. Катюша должна была сыграть роль моей невесты. Расчет был на то, что оборотень не увидит угрозы, поведет себя не так агрессивно, попытается отбить у меня женщину, мы будем защищаться спецсредствами, и тогда мы сможем понять, что он из себя представляет.

Инструктор Афанасий тем временем пришел в себя, прокашлялся и с ноткой драматизма в голосе сказал:

– Не хотел говорить: нашли тела... изуродованы, не узнать. Следы клыков обнаружили.

– Это еще не доказательство оборотня.

– Он разобрал их на запчасти и разбросал по всему лесу. Этого достаточно?

Я еще раз посмотрел на Катю. Ну ладно я, которому всё осточертело, но куда собралась эта девчонка? Вроде смышленная, – безмозглой ее не назовешь. Хотя, видимо, отчаянная, судя

по татуировкам. Знакомы мы без году неделя. Что я о ней знал? Тонкая, стройная, как колосок, девушка. Вообще она руферша: лазит по высоткам. Не понял я, как она удирает от охранников таких объектов. Но она ответила: «Бывает, нас ловят, вызывают полицию, штрафуют и отпускают. Им скучно заниматься бумажной работой из-за нас». Тогда спросил: «А зачем тебе оборотень?». И она обосновала, поочередно показывая на меня и на себя указательным пальчиком: «Мы (пауза) ловим (пауза) оборотня. Это круто». Больше вопросов я ей не задавал.

Афанасий мне уже надоел, и я всем своим видом показываю ему: «Хорош, приятель, я все понял», а вот у Катерины серьезное лицо, серьезней не придумать. Я тоже далек от веселья. Но устал. Слушаю инструктора дальше. А он завелся, как мотоцикл.

– Ты же не будешь отрицать результаты научных исследований. Есть факты, когда человек страдает от расстройства психики и принимает себя за волка. Есть. Может он подражать агрессии зверя, повадкам и образу жизни? Может. Но это еще цветочки! Внушение, которое он задает сам себе, может привести к физическим изменениям. Что провоцирует заболевание? Пожалуйста: такие факторы, как полнолуние, серьезная опасность для жизни или так называемый парад планет. Человек не подозревает, что внутри него затаилась волчья сущность, но наступает минута, когда это вырывается наружу.

– Не буду, – отрезал я.

Литературу о ликантропии я читал, но с байкером обсуждать ее не стал.

Короче, вы должны его нейтрализовать, а как, сами решайте.

– Надеюсь, скальп привозить не нужно?

– Дубровский, меня заеб...ли твои шутки.

Мы с Катей вышли из гаража.

А ведь в этой истории была еще одна проблема: как внешне отличить оборотня от обычного человека? Может, ребята погибли именно из-за этого. Они могли ошибиться и их убил тот, кто был рядом, а они не увидели в нем опасность, прозевали момент, когда он стал зверем.

– Андрей! Слушай, оборотень уже знает запах человеческой крови.

– И ты не боишься?

– С тобой нет.

– Откуда доверие?

– Прими соболезнования, но мне рассказывали о том, что на вас кто-то напал в смоленском лесу, и ребята погибли.

– Это в клинике Маршака рассказывали?

– Ну, зачем ты так?

– Извини.

– Слушай, после нападений на людей этот маньяк стал агрессивнее и опаснее, но знаешь, какая фишка? Слабых мест у него тоже больше. Он перестаёт контролировать своё поведение, он менее осторожен, его легче обнаружить, у него чаще приступы агрессии.

– А почему маньяк? – спросил я.

– Сейчас ты мне скажешь, что веришь в оборотня? Заметил, в той местности много доказательств и свидетельств гибели людей, но нет подтверждений, что в оборотня стреляли. Все патроны на месте, патронташ полный. Ни одного выстрела. Те, кто погиб, попали на одни и те же грабли. Они готовы были пристрелить существо, что выйдет из леса. А существо уже было за их спиной. Зверь их обхитрил. Он знал, что за ним пришли, что его хотят убить, и прикинулся обычным человеком, навязал им дружбу и убил.

– А мы ему не опасны, по-твоему?

– Мы покажем себя молодоженами, которые балдеют друг от друга. Мы просто путешествуем, – это собьет его с толку.

– Одно не пойму, – зачем это тебе. Ну, лазила по высоткам, и лазила бы себе на здоровье.

– Давай не будем эту тему трогать, я бросила.

Афанасия, конечно, наши догадки волнуют меньше всего. Это должно волновать нас. От него, как от блогера, народ начал отписываться, да что отписываться – просто наблюдается массовый исход. Еще бы: уже три группы сталкеров, которых он сосватал, сгнуло в тех краях. В общей сложности восемь или девять человек. К тому же вторая группа была с двумя охотничьими ружьями, и третья тоже какой-то «огнестрел» прихватила. Еще какой-то местный журналист пропал, говорят, там же. Выезжала туда и следственная группа по одному из возбужденных уголовных дел. Всё без толку. Никаких следов. Общаются с дедом, находят одного-двух аборигенов, прозябающих на болотах, – и всё. «Следаки» заявили, что там никто не живет, кроме того же деда. А бродяги безобидны. Старик сказал, что оборотня не видел, что жену и сына давно похоронил.

Но люди исчезли с концами. Подписчики обвиняют Афанасия в том, что он специально послал их на верную гибель: дескать, зарабатывает на крови.

Меня он нанял по рекомендациям в узких кругах, типа я с «нечистой силой» базар имею. Но это громко сказано. Я сам не знаю, как остался в живых в последнем походе, где потерял друзей.

Афанасий – «брутал» до мозга костей, не брит, не стрижен и, как полагается, в дырявой, затертой футболке, натянутой на огромный живот. Но из каких источников он узнал, что я могу обнаружить оборотня, как он оценил мою изощренную манеру расследования разных демонических событий?

Еще я подумал о том, как нам с Катей сыграем роль жениха и невесты. Задача Кати – выманить его из логова и отвлечь внимание на себя, моя задача – придумать, как его нейтрализовать. Это если рассказывать план вкратце.

Почему я согласился на участие Кати? Во-первых, она хорошо физически подготовлена, уже была в экспедициях по заброшкам. Во-вторых, сама вызвалась, когда узнала, что есть такая нетривиальная идея. А в-третьих, она призналась, что ей позарез нужны деньги.

Скажу честно, меня цепляет мысль, что мы практически безоружны, если не считать электрошокеров и перцовых баллончиков. И это не бравада – это тактический ход. Парень с девушкой не выглядят агрессивно, и на нас тварь сразу не накинется. Я так надеюсь.

Вдобавок, и мне и моей напарнице надо выйти из «депрессухи». Нам не смешно.

Например, Катьку, как мне объяснили, я реально спасаю из петли. Лечение ей дается тяжело. «Спасибо» от нее не дождешься, я уж не говорю о дружеском похлопывании по плечу и фразе: «Ты спас меня, чувак!» Тем более не смешно, когда байкер смазал о себе впечатление, похвалившись вдруг: «Вот на этом столе я Катьке ноги-то и раздвинул!» Как от него после этого деньги брать на экспедицию? Но я взял. Он хлопнул меня по плечу и вдогонку кинул свою излюбленную байкерскую фразу: «Держи глаза открытыми, пока не увидишь Бога, тогда уже можешь ломаться». Ну да, всё ясно: я для него как байк, на котором можно ездить. Что он говорит о Кате – я лучше промолчу. Да мне его слова до одного места!

– Катя, а ты давно знаешь Афанасия?

Катя покраснела, сглотнула слюну и ответила:

– Хвалится, что со мной переспал? Тебе я не дам и не надейся.

– О чем ты?

– Не прикидывайся, я видела, как ты на меня смотрел.

– Нет, подожди, твои «татухи» не скрою, меня заинтересовали. И больше ничего!

– Как ничего?

Но я уже думал о другом.

Один хутор сожрал ребят, и это не выходит у меня из головы. Теперь другой хутор сожрет меня.

Не хочу его называть – плохая примета. Как выяснилось, кто вслух называет место – место может его услышать. Это опасно. Нет, нет, реально опасно, без всяких шуток. Инструктор название не произносит, – и мы молчим. Просто говорит: «хутор», – и мы молчим.

С Сатаной я встречался, а вот оборотень в моей практике впервые. Афанасий похвалился, мол, если бы не спина – он поехал бы сам. Ну, не уверен. Он просто «храбрится».

Еще он предупредил, что туда может нагрянуть группа из Центра сталкеров Гоброна. Там ребята, уволенные из спецслужб. Но сдастся мне, оборотня надо брать не силой, а чем-то другим, «заманухой» какой-нибудь.

Мы должны их опередить. У нас с Катькой шанс. Она юркая, шустрая, кудрявая и везучая. Шучу. На самом деле: она умная, смелая, ловкая, а главное – надежный партнер в таких миссиях. Всё будет нормально. Раз вызвались – вперед и с песней.

Я, конечно, не мог не спросить свою спутницу об одном нюансе. Я заговорил с ней об отношении ее родителей к таким походам.

– Я не живу с ними. В прошлом году маме пришли плохие анализы от онколога. В груди обнаружена опухоль, оказалась небольшая и вполне операбельная, но лекарства очень дорогие, и впереди светила химия. Тут неожиданно «спалился» мой папаша. Вместо поддержки начал ныть: мать виновна в том, что запустила болезнь. Потом прибавилось возмущение ее халатным отношением к своему здоровью. «Мол, ты подумала: какие траты нам предстоят?» Так и сказал: «А ты подумала?» Я, честно говоря, офигела. Такого от папаши никогда не ожидала. Мама в беде, а он устроил тут базар. Выходило, мама эгоистка – «о себе не думаешь, о других бы подумала!» Довел маму до истерики, и утром, как ни в чем не бывало, «почапал» на свою работу. Вечером папаши уже дома не было. А потом мамины слезы каждый день. Упреки каждый день. Оказывается, это всё из-за меня. Я такое о себе услышала! Виновна в уходе отца, эгоистка, не думаю о матери. Я бы стерпела, но когда я стала виновной в ее болезни, во мне что-то щелкнуло. Ну, поворот, думаю. Сказала: «Звони», – и съехала к подруге. А отец на маму обиделся так, что со мной тоже прервал всяческие отношения. Ну как же: он разумные вещи говорил, а его послали.

Доктор Элизабет Ломбардо говорит так: люди, которые не прекращают поиски свежих ощущений, являются более творческими и эмоционально стойкими личностями, чем те, кто увяз в рутине. Ну, ясный перец: человек преодолевает свои стереотипы и становится сильнее. Мое испытание – это проглотить порцию дискомфорта и увидеть, на что я способна. Цитата Питера МакУильямса: «Зоны комфорта зачастую расширяются за счет дискомфорта».

План попадания туда был таков: инструктор завозит нас и высаживает за несколько километров. Вторую машину будет гнать его напарник, она будет ждать нас в условленном месте.

Здесь тот случай, когда опыт прохода по заброшенным объектам не пригодится. Здесь что-то другое. И я кое-что придумал.

Итак, мы пойдем туда как пара влюбленных. Екатерина будет в роли самки, готовой к совоплощению. Я, естественно, самец, которого оборотень захочет убить и заменить собой для такой невесты. Ему же нужно потомство. Но! Там есть «но», там слишком много «но». Если мы примем за оборотня другого человека, то для нас всё плохо кончится. Зверь прикончит нас всех. Как определить его? Еще раз проговариваем внешние признаки этого существа. Первое – повышенная волосатость тела. Второе – крупные родимые пятна на теле, как отметины. Третье – зеленые зрачки или разноцветные. Четвертое – хищный взгляд. Пятое – раны, кровь, ушибы, грязные ногти после его лесной охоты. Шестое – различные атавизмы вроде лишних пальцев или зачатков хвоста. Седьмое – высокий рост.

После двух часов пути на двух автомобилях мы припарковались в месте, которое можно было бы назвать небольшим лугом, приютившимся у глухого леса. Время в пути прошло незаметно благодаря, конечно, Ларе Крофт в лице Кати. Аромат ее парфюма я запомнил, а еще запомнил ее глаза: она будто из машины видела развитие событий в нашем походе. Нас встре-

тили небо серое, полынь горькая, ромашка печальная. А если серьезно, местечко было действительно депрессивным. Будто краски природы полиняли.

Попрощались с тревожным инструктором Афанасием. Приготовились ко встрече с менее тревожным оборотнем Афанасием. Инструктор и его напарник сразу «свалили», оставив нам старенький внедорожник с багажником, набитым средствами для выживания типа разведения костров и спальных мешков, и канистрой на двадцать литров бензина для обратного пути, хотя бак тоже не пустовал.

Мы еще раз на местности изучили карту и направление того единственного прохода к заброшенной деревне. Всё надо запомнить детально, ведь не исключено, что придется бежать. Как бы мы ни готовились, мы прекрасно осознавали, что будем действовать на чужом поле и, скорее всего, по чужим правилам. Этот странный пейзаж, оборотень или тот, кто себя за него выдает, знает получше нас.

Я прижал к себе Катю. Мы даже слегка погладили друг друга.

– Возьми меня за попу, – вдруг проговорила она.

Я выполнил приказ без пререканий.

– Сильнее сожми.

Я сжал.

Ее глаза засверкали, и она полусшепотом проговорила:

– Вдруг эта тварь уже следит за нами?

Я кивнул.

Когда мы закончили, еще раз проверили рюкзаки. В них были уложены перцовые баллончики и электрошокеры. Еще у Кати был травматический пистолет, а у меня охотничий нож, – это под просторными рубашками с рукавами, якобы для защиты от комаров.

Мы не могли исключить, что уже два, а то и четыре хищных глаза наблюдают за нашим визитом из ближайших кустов. Да-да, в прямом смысле: на звук ревущих по грязи автомобилей зверь мог приблизиться и уже готовиться к схватке.

Мы хлебнули водички. Наши смачные поцелуи взасос, лапанье и обильное слюноотделение должны были дезориентировать зверя. Мы достали необходимое оборудование для фото-съемки и сделали несколько кадров. Потом вернули фотоаппарат в багажник. А еще окропили ближайшиe кусты мочой. Пометили территорию – это я шучу. Облегчившись, взяли свои палки для скандинавской ходьбы и потопали по тропе. По сторонам лес был смешанный, и я бы сказал спутанный слегка, и уже были признаки болотистой местности, где в лесных завалах может оказаться волчье логово.

В какой-то момент мне показалось, что я услышал голоса друзей, идущих сзади, да, всех троих, Севы, Дрона и Женьки.

По пути я приглядывался к Кате. Вместо комфорта, теплой ванны, косметического салона и ночного клуба девушка шагает со мной по болоту. Да еще серьезная такая. Ну-ну.

– Но в Москве я бы на свидание с тобой не пошла.

– А я звал?

– Ладно, счет один-один.

Пойми этих девушек. Мы старались запомнить приметы местности, особенности пейзажа на случай обратного пути. А так правила всем известны: если зверь на тропе – Катя не смотрит ему в глаза, не кричит, не машет на него палкой, не убегает, а медленно отступает и аккуратно достает из рюкзака электрошокер. «Травмат» Макарова у нее для оборотня. Я буду делать практически то же самое, но без травмата. Скорее всего, каждого из нас ждет прыжок зверя, чтобы сбить человека с ног.

Хотя мы обработали одежду от комаров и клещей, это не принесло ощутимых результатов. В местах, где трава была очень низкой, паразиты прятались и периодически оказывались на одежде. На нас, кроме рубашек навывпуск, были светлые штаны. Это для того, чтобы вовремя

заметить и стряхнуть мелкого паразита. Лучше бы везде были подорожник, клевер да лютики, но так не бывает.

По дороге у нас был минимум слов, жестов и, честно говоря, мыслей, если не считать тревоги о том, что может случиться, как всё сложится, какие будут последствия. Если придется обращаться за медицинской помощью, то вокруг ни живой души, хоть глаз выколи. Или это про ночь говорят «хоть глаз выколи»?

Почти одновременно у нас появилось ощущение, что за нами наблюдают.

– Андрей, – голос Кати дрогнул, когда тропа сузилась настолько, что приходилось идти друг за другом. – А мне страшно. Честно. Не то чтобы я трусиха, но... там, за этими кустами, будто кто-то есть. Смотрит. Я кожей чувствую.

Я обернулся. Она побледнела, губы сжаты в нитку, а в глазах – та самая затравленная настороженность, которую я видел у людей перед самой опасностью.

Я ощутил, как ледяной холодок пробежал по моей спине, хотя солнце еще не село. В затылке засвербило – то самое чувство, когда на тебя направлен чужой взгляд, даже если ты не видишь глаз. Катя побледнела, губы сжаты в нитку, а в глазах – та самая затравленная настороженность, которую я видел у людей перед самой опасностью. Я принялся – по лесу шел сладковатый, приторный запах, как от увядших цветов на могиле. Этот запах я уже чувствовал в Смоленском лесу перед тем, как все пошло наперекосяк.

– Дыши ровнее, – сказал я. – Бойтся тот, кто жив. Мертвым уже всё равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.